ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070:821
ББК 76.0
Б 57

Бешукова Ф.Б.
Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы и массовых коммуникаций Адыгейского государственного университета, e-mail: fat8474@yandex.ru

Хаткова И.Н.
Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и массовых коммуникаций Адыгейского государственного университета, e-mail: iren714@yandex.ru

СТРУКТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ТЕКСТА

(Рецензирована)

Аннотация:
Рассматривается проблема структурных трансформаций текста с позиций постструктурализма. Отмечается, что в современных исследованиях текстовой деятельности достаточно продуктивными стали разработки проблемы структуры текста, его интерпретации, теории симулякра, кода, знака, дискурса и др. Ощутимая ломка привычных представлений о закономерностях текстовой деятельности требует новых методологических подходов, в частности, постмодернистской аналитической модели. В качестве базовых теорий выступают концепции симулякра Ж. Бодрийяра, интерпретации текста Ж. Дерриды, Барта, Фуко и др. Целью является обзор ряда влиятельных и продуктивных направлений интерпретации современного медиа-текста. Выявляется, что открытия постструктурализма в области языка текста, роли языка в коммуникативном процессе, влияния речевого воздействия на сознание, и, что не менее важно, открытие новых возможностей коммуникативного воздействия играют серьезную роль в современной коммуникативистике.

Ключевые слова:
Постмодернизм, коммуникация, текст, симулякр, информационное пространство, знаки-символы, структура текста, гипертекст.

Beshukova F.B.
Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Literature and Mass Communications, Adyghe State University, e-mail: fat8474@yandex.ru

Khatkova I.N.
Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Literature and Mass Communications, Adyghe State University, e-mail: iren714@yandex.ru

STRUCTURAL TRANSFORMATIONS OF THE MODERN TEXT

Abstract:
This paper examines structural transformations of the text from post-structuralism positions. Modern researches of text activity developed effectively a problem

of structure of the text, its interpretation, the theory of a simulacrum, the code, the sign, a discourse, etc. The notable disruption of habitual ideas of laws of text activity demands new methodological approaches, in particular, a postmodern analytical model. Concepts of a simulacrum of J. Baudrillard, interpretation of the text of J. Derrida, Bart, Foucault, etc. act as basic theories. The purpose of this research is the review of a number of the influential and productive directions of interpretation of the modern media text. The study reveals that discoveries of post-structuralism in the field of language of the text, a language role in communicative process, the influence of speech impact on consciousness, and that is not less important, discovery of new opportunities of communicative influence play a serious role in a modern communicativistics.

Keywords:

Postmodernism, communication, text, simulacrum, information space, signs symbols, structure of the text, hypertext.

Нельзя пройти мимо трансформаций в обществе в начале третьего тысячелетия, связанных с тотальной экспансией новейших информационных технологий и коммуникативных техник. Так, Ж. Бодрийяром была разработана теория симуляции и гиперреальности, согласно которой знаки, порождаемые современным технотронным обществом, по сути дела не имеют никакой связи с реальностью в привычном смысле слова. Такие знаки больше не являются представителями каких-либо объектов, то есть знаками-копиями или знаками-символами. Они более не презентуют никакую реальность, кроме своей собственной, а, наоборот, маскируют отсутствие действительности путем ее симуляции, именно поэтому подобные информационные объекты и были обозначены как «симулякры». В. Емелин, анализируя функционирование симулякра в информационном пространстве, подчеркивает, что нельзя сбрасывать со счетов контекст (о чем настойчиво говорили постструктуралисты), так как симулякр в зависимости от поля действия имеет различные функции. В информационном пространстве – «<...> симулякр – это знак без означаемого, знак за которым ничего не стоит, кроме сотворенной им же реальности, которая не что иное, как гиперреальность, реальность, лишенная глубины, некая поверхность, дающая выхолощенную, но зачастую эффектную и привлекательную картинку действительности, причем эта картинка оказывается более (сверх-, гипер-) реальной, так как представленное на ней изображение идеализирует, «раскрашивает», развоплощает и обнажает реальность. Характерным примером информационной технологии, продуцирующей гиперреальность, является телевидение, которое представляет события в виде калейдоскопа визуальных образов, которые уничтожают пространственную и телесную грань, разделяющую зрителя и действующее лицо, симулируя непосредственную близость происходящего и, по сути, подменяя его сконструированным на злобу дня изображением» [1].

Философ В. Подорога в интервью с Ж. Деррида отмечает проблемную зону языка журналистики. В частности, он говорит: «Политики и масс-медиа создают язык, который описывает политическую действительность. И то, что не вписывается в этот языковой мейнстрим, в эту болтовню узнаваемого, – отвергается. Главным тезисом становится – «этого не надо говорить, потому что мы знаем, что нужно говорить». В результате у нас нет журналистики. Потому что и политики, и журналисты говорят на одном и том же языке. Деконструкция – метод, которым должны владеть журналисты» [2].

Познавательное поле современности значительно расширилось

благодаря новым компьютерным технологиям, всемирная паутина дает неограниченные и в то же время неконтролируемые возможности доступа к информации. Соответственно, как отмечает С.И. Сметанина, и журналистика «<...> размыкает границы дозволенного, увеличивая собственные текстовые значения. Объем передаваемой информации при этом увеличивается не за счет документальной стороны текста, а в результате игровых соотношений между разными структурами текста» [3].

Исходя из установок современной журналистики, можно предположить, что открытия поструктурализма в области языка текста, роли языка в коммуникативном процессе, влияния речевого воздействия на сознание, и, что не менее важно, – открытие новых возможностей коммуникативного воздействия при помощи «языковых игр», оказались необходимыми для формирования современного языка общения и воздействия. В этом направлении весьма продуктивными стали разработки проблемы структуры текста, его интерпретации, теории симулякра, кода, знака, дискурса и др.

Сближаясь с постфрейдистской моделью, поструктурализм, как уже говорилось, принимает во внимание не только рациональное, но и бессознательное начало в человеке. Для постструктурализма становятся важными в тексте не структурируемые его элементы, сближающие его с другими текстами (хотя сравнительный анализ остается), а то уникальное, несистемное, маргинальное, что реализовалось в тексте внесознательно и понимается интуитивно. Постструктурализм стремится усмотреть в тексте то, что привнесено в него последующими интерпретациями и что является уже «следом следа», объяснить сходное в тексте не структурной универсальностью, а взаимовлиянием текстов, заимствованием, аллюзией, игрой, неосознанным косвенным цитированием.

Интерпретация текста – это понимание в нем того, что к самому тексту прямо не относится, того, что в нем «вынесено за скобки» и выводит за пределы самого текста в мир желаний, такое понимание есть всегда процесс, но не результат (Деррида называет его термином «различие» – «differance»). Но при этом для постструктурализма значимой становится «конструкция текста», выявление тех элементов, из которых он собран, обнажение не структуры, но конструктивных механизмов, технологии создания текста.

Знак в постструктурализме выступает как полная противоположность самому себе – он есть не указание на какой-либо предмет или смысл, а, напротив, указание на его отсутствие. Знак и смысл превращаются в фикцию, симулякр, маскирующий отсутствие актуального смысла и предлагающий взамен свои многочисленные коннотации.

Ж. Бодрийяр постулирует четыре исторических этапа превращения знака в симулякр, сменявшие друг друга от Возрождения до современности: знак, обозначающий реальность; знак, искажающий, маскирующий реальность; знак, маскирующий отсутствие реальности; знак-фикция, не связанная никак с обозначаемой реальностью – знак и язык являются собственным объективно существующим пространством, не связанным ни с человеком, ни с действительностью. Знак ничего не означает или означает лишь самого себя, но при этом в человеческом общении он сохраняет свойства симулякра, детерминируя человека; знак становится полем, где реализуется дискурс власти. Соответственно и означение, создание текста есть «производство фикции», фиксация смысла, который самому себе не соответствует.

По своей внутренней организации текст представляет собой сетку, ткань, паутину, лабиринт, у которого нет начала и конца, нет какого-либо объединяющего центра или

главного слова. Текст является открытым и незавершенным, для него характерны избыток, безмерность и бесконечность во всем. В его создании особое значение имеет игровое начало. Р. Барт указывает на «игру письма против смысла», Ж. Деррида говорит об «игре текста против смысла», Ж.-Ф. Лиотар размышляет о «языковых играх». Текст представляет собой множественность, разнородность, многомерность, полисемию и полифонию. Ж.-Ф. Лиотар отмечает, что «<...> в обществе, где коммуникационная составляющая становится с каждым днем все явственнее, одновременно как реальность и как проблема, очевидно, что языковый аспект приобретает новое значение, которое было бы неверно сводить к традиционной альтернативе манипуляционной речи или односторонней передачи информации, с одной стороны, или же свободного выражения и диалога – с другой стороны» [4: 32].

Выделенные тенденции позволяют дать лишь общую характеристику постструктурализма как направления в осмыслении культуры, которое продолжает существовать, видоизменяться и самоопределяться. Постструктурализм, как и постмодернизм, воплощает определенное «кризисное сознание», возникающее в условиях исчерпанности определенной онтологической и гносеологической парадигмы (в данном случае – новоевропейской), в ситуации «смены эпистем» (Фуко). Предложенные постструктурализмом новые интенции в восприятии текстов культуры позволили существенно расширить представления о возможностях и границах понимания культуры.

Постструктурализм размывает границы между философией, литературой и литературной критикой, усиливая тенденцию к эстетизации философии и ставя до некоторой степени под сомнение само ее существование. Тему смерти философии затрагивает М. Фуко. Ж. Делёз предпочитает говорить скорее о мышлении различия, чем о философии. То же самое делает Ж. Деррида, рассматривая философию как «обходной путь к литературе». Некоторые его работы действительно выглядят как литературные вариации на философские темы. Творчеству Барта, Фуко и Деррида присущ ярко выраженный стиль, в силу чего их иногда называют писателями.

Основным источником художественного творчества постструктуралисты объявляют вдохновение, зарождающееся в недрах бессознательного. Отсюда и берет начало фундаментальное явление, которое постструктуралисты называют «болезненно патологической завороженностью» (М. Сарук), иррационализмом, неприятием концепции целостности и пристрастием ко всему нестабильному, противоречивому, фрагментарному и случайному.

В понимании человека в постструктурализме на первое место выходят несистемные, неструктурируемые явления. Источником таких человеческих проявлений мыслится его субъективность, индивидуальные особенности психики, воля, понимаемые не через психоаналитическое бессознательное, а скорее, через ницшеанский волюнтаризм, отражающий активное взаимодействие человека с непонятным и враждебным окружением с целью реализации его волевого стремления к доминированию над этим окружением. Для постструктурализма ключевой категорией, характеризующей человека, является желание как универсальная форма проявления стремления человека к коммуникации с окружением, определяющая все формы индивидуального и коллективного действия, социальной и культурной действительности. На место структурной логической упорядоченности сознания приходит понимание его как разомкнутой, хаотичной

«магмы» желаний, устремлений, вопросов к внешнему миру, лишь частично определяемых его социальным и культурным опытом, то есть деструкция существующих моделей.

Современные средства массовой коммуникации, умело манипулируя сущностью человека, стремящегося к комфортной жизни при помощи означающих (Р. Барт), действующих на подсознание, создают идеологическое пространство эпохи постмодерна, эксплуатируя его же открытия (реклама, видеоклипы, ток – шоу, интерактивные коммуникации и т.д.).

Но эта тенденция закономерна, она предсказана еще Р. Бартом, который с сожалением писал: «Но, увы, ничего не поделаешь: рынок подчиняет себе все, интегрируя даже те явления, которые направлены непосредственно против него; он завладевает текстом, включая его в круговорот совершенно бессмысленных, хотя и узаконенных трат, текст вовлекается в работу некоего коллективного хозяйственного механизма (пусть даже механизма, имеющего сугубо психологическую природу) <...>» [5: 480].

Первая фаза информационного общества резко актуализировала прагматическую и аксиологическую проблематику, выдвинула трудные задачи выработки критериев знаний, выступающих в форме оценочных утверждений, открыла неведомые ранее области неопределенности, прежде всего в коммуникативной сфере. Д.И. Дубровский отмечает: «Она по-новому поставила вопросы о производстве, передаче и потреблении информации, о ее оценках, использовании в качестве фактора управления. В свете этого обострились давние проблемы лингвистической относительности, языковых игр, дезинформации, обмана и самообмана, манипуляций личностью и массами, изощренной полуправды как средства защиты интересов, многие другие проблемы, касающиеся межличностных отношений и социальных взаимодействий.

Здесь требуется новый уровень научных исследований, традиционные подходы и методы малоэффективны. Указанная проблематика охватывает область повседневной практики и так называемого вненаучного знания, где оценки и решения принимаются на основе здравого смысла, интереса, личного опыта, интуиции, неосознаваемых влечений, сложившихся символов веры. Именно тут раздолье для иррационализма и постмодернистской моды, которая стремится принизить научный способ мышления. Но, пожалуй, единственная форма деятельности, которой по силам охватить такое гигантское многообразие, это – журналистика» [6].

Примечания:

1. Емелин В.А. В коммуникационном пространстве информационного общества: социально-философские аспекты. URL: http://www.geocities.com/emelin_vadim/abstract.htm.
2. Философия и литература. Беседа с Ж. Деррида // Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествии М. РИК “Культура”, 1993. С. 131-186.
3. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века): науч. изд. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. 383 с.
4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.; СПб.: Алетейа, 1998. 160 с.
5. Барт Р. Удовольствие от текста // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 462-518.
6. Дубровский Д.И. В диапазоне гуманитарного знания: сб. к 80-летию проф. М.С. Кагана. СПб.: Санкт-Петерб. филос. общество, 2001. Вып. 4.

References:

1. Barthes R. The pleasure of the text // Barthes R. Selected works. Semiotics. Poetics. M.: Progress, 1989. P. 462-518.
2. Dubrovsky D.I. In the range of humanitarian knowledge: coll. to the 80th anniversary of Professor Kagan M.S. SPb.: St. Petersburg Philosophical Society, 2001. Iss. 4.
3. Emelin V.A. In the communication space of the information society: socio-philosophical aspects. URL: http://www.geocities.com/emelin_vadim/abstract.htm.
4. Lyotard J.-F. The postmodern condition / transl. from French by Shmatko. M.; SPb.: Aletheia, 1998. 160 pp.
5. Barthes R. The pleasure of the text // Barthes R. Selected Works. Semiotics. Poetics. M.: Progress, 1989. P. 462-518.
6. Smetanina S.I. Media text in the system of culture (dynamic processes in the language and style of journalism of the end of the 20th century): scient. ed. SPb.: Publishing house of Mikhailov V.A., 2002. 383 pp.